

ПУТЬ РОЗЫ

ВНУТРИ ЦВЕТОЧНОГО БИЗНЕСА

как выводят и продают цветы,
которые не сумела создать природа

ЭМИ СТЮАРТ

КРУГОЗОР

ДЕНИСА
ПЕСКОВА ▶

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Кругозор Дениса Пескова

Эми Стюарт

**Путь розы. Внутри цветочного
бизнеса. Как выводят и
продают цветы, которые
не сумела создать природа**

«ЭКСМО»

2008

УДК 636.9:338.13
ББК 42.374+65.290-2

Стюарт Э.

Путь розы. Внутри цветочного бизнеса. Как выводят и продают цветы, которые не сумела создать природа / Э. Стюарт — «Эксмо», 2008 — (Кругозор Дениса Пескова)

ISBN 978-5-04-159424-4

Цветы – это не только приятный подарок или хобби. За каждой подаренной розой или лилией стоит целая индустрия: прежде чем попасть в местный цветочный магазин, цветку нередко приходится пересекать целые континенты. К тому же не всякий привычный нам цветок – творение природы: многие цветы выведены и усовершенствованы селекционерами. За кулисами этой удивительной индустрии побывала Эми Стюарт – любительница природы и создательница увлекательных книг о растениях. Она пообщалась с фермерами, садовниками, биологами, перевозчиками, флористами – и собрала в этой книге самое интересное о том, как создают цветы. Благодаря ей за каждым букетом открывается целый мир на стыке природы, бизнеса и технологий. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 636.9:338.13
ББК 42.374+65.290-2

ISBN 978-5-04-159424-4

© Стюарт Э., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Введение	6
Часть I	11
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эми Стюарт
Путь розы. Внутри цветочного бизнеса.
Как выводят и продают цветы,
которые не сумела создать природа

Посвящается PSB

Flower Confidential: The Good, the Bad, and the Beautiful by AMY STEWART

© 2007 and 2008 by Amy Stewart. All rights reserved.

First published in the United States under the title: FLOWER CONFIDENTIAL: The Good, the Bad, and the Beautiful

Copyright © 2007 and 2008 by Amy Stewart

Illustrations © 2007 by Emma Skurnick

Published by arrangement with Algonquin Books of Chapel Hill, a division of Workman Publishing Company, Inc., New York.

© Муравьева Е.В., перевод, 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Введение

«Что делают люди, взяв в руки цветы?» – спросил меня Боб Одзука, генеральный менеджер цветочного рынка Сан-Франциско. Отвечая на свой вопрос, он разыграл небольшую пантомиму: поднес ладони к лицу и глубоко вдохнул.

«Они пытаются их понюхать», – сказал он.

Я принялась, пытаюсь ощутить аромат лилий или роз, и не почувствовала ничего. Рано утром, где-то около пяти, мы с Бобом в попытке отыскать хотя бы один ароматный цветок шагали по бетонному полу оптового центра на Маркет-стрит, где шестьдесят торговых точек продавали срезанные цветы и другие растения.

«Эти цветы выведены для торговой индустрии, – объяснил Боб. – Их отбирали по цвету, размеру, и в первую очередь по выносливости. В таких случаях всегда приходится чем-то жертвовать. Эти потеряли запах».

«Но знаете что? – продолжил он, пока мы пробирались по коридору вдоль тележек, заставленных ведрами с гортензиями и подсолнухами. – Люди по-прежнему верят, что цветы вкусно пахнут. Я видел человека, который поднес к лицу букет *Leonides*¹ и воскликнул: “Какой аромат!” Я прекрасно знаю эти розы. Золотые лепестки, по краям с медным отливом, – поняли, о чем я? Они выведены к осенним свадьбам. У них вообще нет запаха».

Засмеявшись, он покачал головой и устремился в конец коридора, где, как ему показалось, можно было найти лилию, сохранившую аромат. Я последовала за ним.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на цветочный рынок, – насколько чужим он кажется среди большого города. Даже в Сан-Франциско, солнечном, продуваемом ветрами мегаполисе, где люди не боятся «вплетать цветы в волосы»² и вообще носить их как угодно, идея цветочного рынка не вписывается в копоть и грязь городской жизни. В отличие от рыболовной промышленности, которая нашла способ существовать посреди развлекательного парка «Рыбацкая пристань», цветочная торговля скрыта от глаз в складском районе, тянущемся вдоль скоростного шоссе. Сам рынок представляет собой вереницу похожих на большие коробки складов, среди которых снуют фуры, пытаясь пробиться к погрузочным площадкам.

Если приехать сюда до рассвета, безо всякой надежды на кофе в обозримом будущем, это место покажется еще более мрачным и уродливым. Кое-как протолкнувшись между фурами и заехав на крытую парковку, я обнаружила, что сижу в машине, наслаждаясь последними крохами тепла, и недоумеваю, что заставило меня проснуться в такую рань и отправиться затемно в промышленный район.

Но стоило пройти парковку, спуститься вниз и толкнуть тяжелую металлическую дверь, как меня ослепил внезапный свет. Внутри простирался Диснейленд, Волшебная страна Гудвина и магазин игрушек Санта-Клауса. Именно отсюда – понял мой сонный, лишенный кофеина мозг, – и возникают цветы.

Мимо провезли сотни цветков львиного зева³ на металлической тележке. Тысячи гвоздик толпились в ведрах. Лежали снопы роз – в том виде, в котором их доставили с ферм, каждый бутон обернут клочком папиросной бумаги. Здесь были бутоньерки гардений, искусственно окрашенные хризантемы, тайландские орхидеи, голландские тюльпаны, колумбийские лилии,

¹ Леонидас – чайно-гибридная роза. – *Прим. пер.*

² Отсылка к культовой песне 1960-х годов Скотта Маккензи «San Francisco» («Be Sure to Wear Flowers in Your Hair»). – *Прим. пер.*

³ Львиный зев, или антирринум, – травянистое растение семейства подорожниковых. По форме цветки растения напоминают львиную пасть. В России, как правило, используется при оформлении клумб. – *Прим. пер.*

цветы имбиря прямо с Гавайев, шелковые магнолии, сушеный дельфиниум. Венки, комнатные растения, вазы, корзины, ленточки, декоративная зелень. Собранные в одном месте, они выглядели пышно, ярко и ошеломляюще. Торговый этаж был заполнен суетящимися покупателями и продавцами, напрочь игнорирующими тот факт, что сейчас только пять утра, – здесь уже два часа как работали.

Мимо провезли еще одну тележку, с таким количеством ландышей, какого я в жизни не видела. Рядом семенил невысокий шатен, торгуясь на бегу. Представьте себе Уолл-стрит в садах Эдема.

Долгие годы я мучилась любопытством, как же работает рынок, поэтому попросила Боба показать мне его до рассвета, когда он открыт только для оптовой торговли. Еще мне хотелось посмотреть на настоящие свежие цветы, которые расхватывают до десяти утра, когда торговые ряды открываются для публики. Большинство оптовых торговцев не дожидаются открытия – они пакуются и выезжают из города, когда обычный житель Сан-Франциско еще не поднялся с кровати.

Кроме того, меня подстегивал нездоровый интерес: я всегда была одержима страстью к цветам и не хотела упускать возможность оказаться с ними рядом. Меня не волновало, что выставят в этот день на продажу, – я знала, что захочу все. Дикие маки, тепличные розы, копеечные гвоздики – мне подойдет что угодно. Однако без лицензии на оптовые закупки приходилось только грустно ходить вокруг с деньгами в кармане. Дай мне волю, я бы спустила на цветы все наличные.

Боб оказался дружелюбным гидом. Он обменивался шутками с цветоводами и мановением руки развеивал большую часть скандальных слухов о цветочной торговле. Гортензии, которые крали с клумб в парке у моста Золотые Ворота и оптом сдавали на некоем подобии цветочного черного рынка? Было такое. Но потом волонтеры парка додумались ставить маркером небольшую точку в основании каждого соцветия, и беспредел прекратился. Потасовки в торговых рядах, когда один из поставщиков снижал цены на розы, заставляя всех остальных следовать своему примеру? Ну, нельзя сказать, чтобы прямо уж потасовки... Но близко к тому.

Я шла за Бобом, размышляя, сколько всего делается ради цветов. Самолеты летят из Боготы, грузовые фуры едут из Майами, строятся гектары теплиц и миллиарды долларов меняют хозяев. И все это ради альстромерий, которые мы, не задумываясь, покупаем между делом даже в продуктовом магазине. Ради дельфиниумов, которые мы отправляем сестре в больницу, чтобы ее приободрить. Ради фиалок на могилу и гвоздики в петлице.

В продаже цветов есть некое внутреннее противоречие, которое я до сих пор не могла для себя разрешить. Я надеялась, что найду объяснение, взглянув на происходящее поближе. В конце концов я поняла, в чем дело: цветы не похожи на другой товар. Они играют по своим правилам. С одной стороны, растения вроде бы ничего не стоят. Можно сорвать придорожный цветок или за копейки вырастить его в палисаднике. Цветы так же недолговечны, как и фрукты, но гораздо менее практичны – в конце концов, их нельзя съесть. Роза в вазе завянет через неделю. Это все, что можно получить за свои деньги. Несмотря на это, мировой рынок срезанных цветов оценивают в сорок миллиардов долларов. Производители вкладывают огромные средства в создание все более совершенных растений, которые дольше стоят в вазе, не роняют лепестки и не пачкают все вокруг пылью, или же отвечают весьма специфическим требованиям вроде требований невест, выходящих осенью замуж, или покупателей в супермаркетах.

Цветочная торговля, деловая сторона наших отношений со срезанными цветами, возникла давно. Взгляните на это письмо:

«Розы ещё не до конца расцвели – на самом деле здесь их вообще немного. Из всех питомников и от всех плетельщиков гирлянд мы еле-еле сумели набрать тысячу, что отправили вам... даже сорвав те бутоны, что не

следовало трогать до завтра. У нас есть все нарциссы, что вам нужны, так что вместо двух тысяч, о которых вы просили, мы отправляем четыре».

Этот банальный отрывок из деловой переписки могли составить на прошлой неделе, но на самом деле он был написан незадолго до Рождества Христова: отрывок начертан на папирусе в Египте римского периода. Вообразите: уже тогда цветы выращивали на полях, заказывали большими партиями и отсылали тысячами в расчете, что те успеют к празднеству или пиру. Современный поставщик роз с сочувствием отнесется к необходимости срезать розы раньше срока. Должно быть, неизвестный древний торговец, как и сегодняшние цветоводы, беспокоился, что слишком плотные бутоны не раскроются в вазе и покупатель останется недоволен.

Цветочная торговля была весьма развита в Риме, со всеми налоговыми, бухгалтерскими и логистическими проблемами, которые свойственны любой коммерческой отрасли. Римляне знали, как заставить цветы распуститься раньше срока, обдавая их паром или горячей водой. Они строили теплицы со стенами из тонких листов слюды и использовали тележки с колесами, чтобы перевозить растения из тени на солнце и обратно. Как только началось искусственное разведение цветов, появились и его критики, считавшие торговлю растениями, выращенными не в сезон при помощи технологий, противоестественной. Даже мне странно видеть подсолнухи в канун Рождества, когда лето давно прошло, и я в этом не одинока. Римский драматург и философ Луций Анней Сенека писал в I веке нашей эры: «А разве не живут вопреки природе те, что хотят роз среди зимы, кто с помощью горячей воды ловко создает подложное тепло и в стужу выращивает лилию, весенний цветок?»⁴

В торговле срезанными цветами «натуральное» и «неиспорченное» вечно борется с массовым и коммерческим. Людям нравится, что летние цветы можно купить в феврале (фактически так возник целый праздник), но в то же время они опасаются фальшивок. Жалобы викторианского писателя Чарльза Мэнби Смита, датированные 1853 годом, актуальны по сей день. Он купил цветы у лондонского разносчика, и через пару дней они завяли, как он считает, из-за «слишком большой дозы стимулирующего раствора». Главная проблема цветочного бизнеса заключается в том, что его продукт ненадежен, а постоянных покупателей не существует. Хотя цветы в Лондоне продолжали пользоваться спросом, Смит предостерегал: «Торговля распустившимися цветами – одна из самых непредсказуемых и опасных спекуляций, которой занимаются мелкие уличные торговцы».

Почему нам кажется, что нас обманули, когда ученый выводит лилию с неосыпающейся пылью, а цветовод заставляет тюльпаны расцветать в декабре? Разве имеет значение, почему букет роз очутился в супермаркете свежим, хоть и проехал без воды полмира? Если букет красных роз и розовых хризантем, заказанный на телеграфе ко Дню святого Валентина, ничем не отличается от тысяч таких же, рассылаемых по всей стране, становится ли послание менее значимым?

И да, и нет. Нет сомнений, что в XX веке цветы полностью преобразились. Об этом позаботились новые технологии разведения, современные теплицы и всемирная транспортная система. Благодаря им круглый год можно покупать дешево совершенно фантастические цветы. Вместе с тем современные цветы чего-то лишились. Они стали предсказуемыми, надежными и утратили привязку к сезону. Многие из них потеряли свой аромат, и я задаюсь вопросом, сохранились ли в них подлинность, сила и страсть. Люди хотят, чтобы цветы были идеальными, но в то же время продолжали оставаться уникальными и необычными. Цветы должны быть откровением, переживанием, единственным в своем роде. С каждым годом становится все сложнее отыскать что-то подобное.

⁴ Цит. по: Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо CXXII / пер. и прим. С. А. Ошерова М.: Наука, 1977.

Утро, проведенное на цветочном рынке Сан-Франциско, сменилось утром в цветочном районе Лос-Анджелеса. В итоге я отправилась странствовать по миру, пытаясь понять, откуда берутся все эти прекрасные цветы. Я посещала ларьки Манхэттена и поднималась на борт «цветочных рейсов» в Майами. Наблюдала, как на аукционе в Голландии за одно утро распродают миллионы цветов. Я сидела в подсобке флориста в День святого Валентина и слушала телефонные заказы людей, полные любви и отчаянья.

Можно сказать, что сегодня цветы больше ездят по миру, чем люди, которые их покупают. Допустим, вы живете в Лас-Вегасе. Бывали ли вы в Боготе, Майами и Сан-Франциско? А купленные вами цветы были. Или вы из штата Мэн. До того как попасть на свадьбу вашей дочери, цветы могли побывать в Кении, Голландии и на Манхэттене. Они летают на более вместительных самолетах. О них говорит огромное количество людей: цветоводы, инспекторы, торговые агенты, брокеры, дальнобойщики, акционеры, оптовые торговцы, закупщики, бухгалтеры, розничные торговцы. Причем на языках, на которых вы вряд ли даже знаете, как поздороваться.

И даже на этом рассказ о цветах не заканчивается. Их создают в лабораториях, разводят в пробирках, выращивают фабричным способом, срезают машинами, пакуют в коробки, продают на аукционах и отправляют через океаны и континенты. Мысли обо всей этой торговой системе скорее разожгли мою страсть к цветам, чем погасили ее. Вообразите двести пятьдесят тысяч квадратных метров теплиц в одном месте. Аукцион, где продают девятнадцать миллионов цветов и где люди одним взмахом руки приобретают больше роз, чем каждый из нас покупает за всю свою жизнь. Сорок миллиардов долларов, каждый год меняющих руки, – и все ради цветов. Мысль об этом завораживает.

Вскоре мне стало ясно, что легкость перемещения цветов по всему миру имеет свои последствия. Например, сто лет назад в Штатах выращивали большую часть цветов, которые там же и продавали. Сейчас почти три четверти составляет импорт, в основном из Латинской Америки. В результате изменились сами цветы. Сорта стали отбирать в первую очередь по устойчивости к перевозкам, а не по каким-то другим качествам вроде изящества или аромата. Приобретая способность дольше стоять в вазе, цветы потеряли свой запах. Они прилетают в декабре из Эквадора или Голландии, чтобы оказаться на вашем столе, уже утратив своеобразие.

Происходящие глобальные перемены коснулись и людей: калифорнийские фермеры были вынуждены оставить семейный бизнес и переключиться на работу с импортом, флористы на центральных улицах города стали продавать копеечные цветы за наличные, а не составлять изысканные дорогие букеты. Каждый год, перед Днем святого Валентина, ряд газет раздражается так называемыми «историями о розах на крови», живописующими ужасы эксплуатации и отравленные реки, стоящие за каждой латиноамериканской или африканской розой. В этих историях есть доля правды. В Эквадоре я видела, как женщины макают длинностебельные розы бутоном вниз в бочки с фунгицидом, – это на долгие месяцы отвратило меня от покупки роз.

Возможно, неромантично называть цветы товаром или продукцией промышленного производства, но они являются и тем, и другим. Растения недолговечны и непрактичны, однако они вызывают эмоции, и в Америке в год приобретают около четырех миллиардов цветов. Американцы покупают больше цветов, чем биг маков. Цветы – это большой бизнес. Ошеломляющий, зачаровывающий и прекрасный.

Невозможно рассказать о каждом цветке, появившемся на мировом рынке. Однако существует ряд героев, истории которых в некотором роде олицетворяют этот поиск совершенства. Джон Мэйсон со своей голубой розой. Лесли Вудриф с лилией *Star Gazer* («Звездочет»). Лейн Де Ври, владелец одного из самых крупных хозяйств по выращиванию срезанных цветов в Соединенных Штатах. Роберто Невадо из Эквадора, социально ответственный производитель роз. В конечном счете я поняла, что все они хотят одного: вырастить идеальный цветок – тот самый, без которого мы не сможем обойтись.

Я не флорист, не селекционер и не фермер. Я садовод и страстный любитель цветов. Чем больше времени я провожу в сфере цветочной торговли, тем чаще думаю, что ожидаю от цветов слишком много. Кто мы такие, чтобы взять символ совершенства, чистоты и любви и попытаться улучшить его, сделав максимально пригодным для рынка?

В четвертом акте шекспировского «Короля Иоанна» граф Солсбери отговаривает короля от повторной коронации, называя ее «напрасным трудом, излишеством пустым»⁵:

*Позолотить червонец золотой
И навести на лилию белила,
И лоск на лед, и надушить фиалку.*

Фраза «позолотить червонец»⁶ до сих пор иногда встречается в описании излишнего украшения. Кажется нелепым распылять на цветы глиттер или духи, однако индустрия занимается и тем, и другим. Она продлевает существование цветов, делает их еще более яркими, меняет запах – все ради того, чтобы удовлетворить наши желания.

Однако куда это может нас завести? Не пытаемся ли мы действительно «позолотить червонец»?

⁵ Цит. по: Шекспир У. Король Иоанн / пер. Н. Рыковой // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1958.

⁶ Червонец – традиционное русское название крупных иностранных и собственных высокопробных золотых монет. – Прим. пер.

Часть I Селекция

Глава 1

Пестики, тычинки и кисточка из верблюжьего ворса

Для специалистов по разведению лилий Лесли Вудриф – легенда, но в моем родном городе его помнят как эксцентричного старика, владельца покосившейся теплицы рядом со скоростным шоссе. Он умер в 1997 году, так что я видела его только на фотографиях. Однако мне кажется, что слово «эксцентричный» описывает его весьма точно. У Вудрифа была копна жестких седых волос, мощное лицо с квадратной челюстью и торчащие в разные стороны зубы, которых он нисколько не стеснялся. На каждой фотографии он, со всех сторон окруженный лилиями, широко улыбается.

В 1988 году голландский цветовод по имени Пит Купман приехал к Вудрифу, чтобы выразить свое почтение оригинатору⁷ знаменитого сорта лилий *Star Gazer*. Если он рассчитывал увидеть благородного ученого старца в твидовом пиджаке, живущего в комфортабельном загородном доме со сверкающей оранжереей, полной чудес, то его ожидал настоящий шок. Вудриф был разорен, слаб здоровьем и ютился в настоящей развалюхе. Теплицы Вудрифа никогда не отличались чистотой, так что Купман был поражен, увидев коллекцию лилий международного класса в затхлом помещении, кишашем паразитами. Казалось, Вудрифу на это плевать, он говорил с Купманом только о том, что ему было действительно интересно: о разведении лилий. У него была фотографическая память, Вудриф знал наизусть все виды и сорта. Похоже, сначала он придумывал новую лилию, а потом интуитивно начинал совмещать признаки, позволяющие ее воплотить. Однако Купман был так шокирован, что едва поддерживал беседу.

«Я не мог поверить, что человек, столько сделавший для цветочной индустрии, живет в подобных условиях, – рассказывал мне Купман. – Эта ситуация меня попросту ошарашила. Я взял видеокамеру, но мне было стыдно снимать. Голландские цветоводы зарабатывали на *Star Gazer* невероятные суммы, и было невозможно поверить, что оригинатор остался ни с чем». Вскоре Купман уехал. Обескураженный, он отправился обратно в Голландию, пытаясь понять, поможет ли Вудрифу огласка его бедственной ситуации или, наоборот, окончательно опозорит.

Именно здесь начинается поиск идеального цветка – в теплице или лаборатории селекционера вроде Лесли Вудрифа, мечтающего о новом сорте, который все полюбят. Идеальный цветок не появляется сам по себе. Селекционер должен превратить самое обычное растение в гвоздь сезона. Появление лилии Вудрифа *Star Gazer* – одно из наиболее примечательных событий, которые происходят раз в столетие. В этой повести есть все составляющие грандиозного события в истории цветоводства: риск, цветы, которые поначалу не были оценены и востребованы, нажитые и потерянные состояния. Лилия *Star Gazer* появилась в те времена, когда селекционеры старого толка сменялись современными гибридизаторами, а мелкие флористы исчезали под натиском международных корпораций.

Работа Лесли Вудрифа с лилиями не сильно отличалась от того, что делает пчела или бабочка: он переносил пыльцу с тычинок одного цветка на пестик другого. У него не было ни микроскопа, ни возможности менять геном, ни стерильной обстановки. Как и многие подоб-

⁷ Физическое или юридическое лицо, которое создало, вывело или выявило сорт растения или породу животного и (или) обеспечивает его сохранение, но не является патентообладателем. – *Прим. пер.*

ные ему селекционеры, Вудриф вмешивался в половое размножение растений только из своей страсти к цветам. Он без устали выводил все новые сорта, потому что был одержим любовью. Эта любовь давала ему смелость сдвигать границы возможного, скрещивать разные виды, которые любой другой счел бы несовместимыми. Несмотря на то что Вудриф рассчитывал зарабатывать на жизнь разведением и продажей цветов, бизнесменом он никогда не был. Лесли Вудриф попросту не смог бы заниматься чем-то еще, кроме своих лилий. В некотором смысле было не важно, платят ему за это или нет.

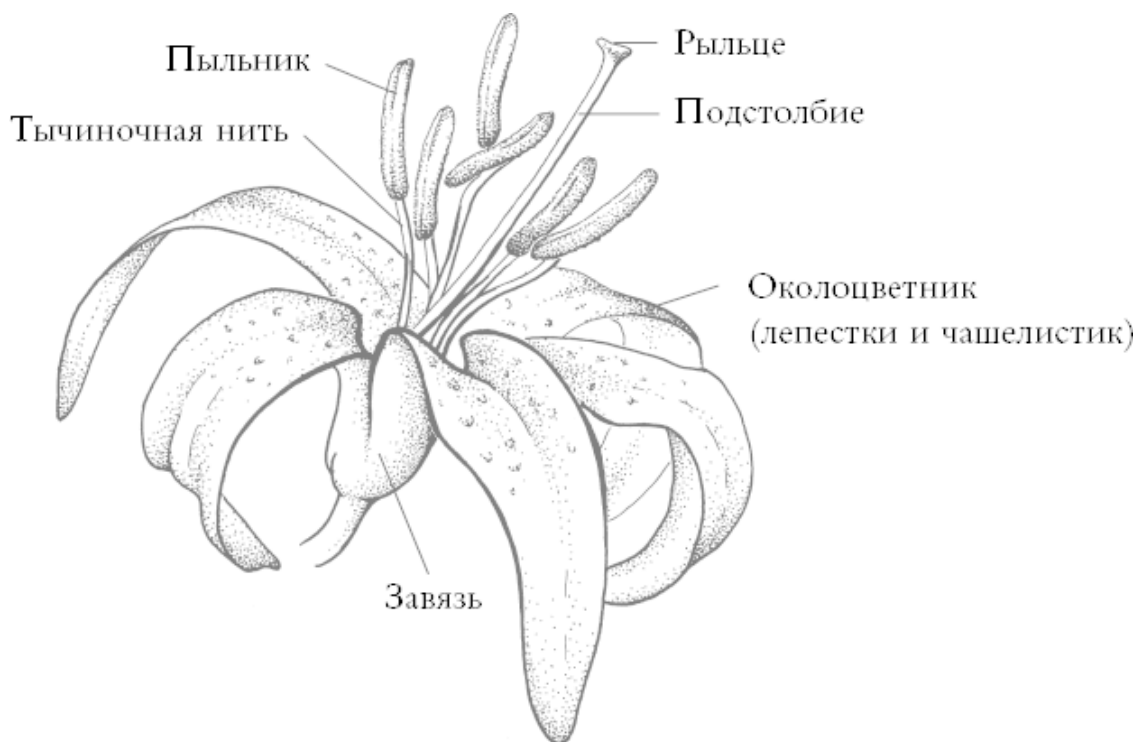
В настоящее время в цветочной индустрии селекционеры – это генетики, работающие в лабораториях. Они могут интересоваться цветами, а могут быть абсолютно к ним равнодушны. Однажды один ученый, работающий на японскую компанию «Suntory», которая продает свежие цветы и алкоголь, сказал мне вот что: «Раньше я работал с пивными дрожжами. Теперь работаю с розами. Под микроскопом и те, и другие выглядят одинаково». Могу только представить, что ответил бы на это Лесли Вудриф. Роза – это не грибок. Лилия – не морковка. Под микроскопом или не под микроскопом, но это живые существа, которые отличаются друг от друга.

Разводить лилии легко из-за простоты их строения. По одной лилии можно узнать все, что нужно, об анатомии цветка. Ее устройство находится прямо перед глазами, в отличие от, например, устройства розы, где нужно долго копаться между плотно сжатыми лепестками, чтобы отыскать тычинки и пестик. Лилии относятся к той же таксономической группе, что тюльпаны и рябчики⁸: цветы распускаются на одиночном, обычно безлистном стебле, который в свою очередь вырастает из рыхлой мясистой луковицы. Чаще всего луковица состоит из чешуй, расположенных по спирали вокруг донца⁹. Эти чешуи можно слущить и вырастить из каждой новое растение (цветоводы называют такой способ «размножение чешуйками»).

Сам цветок – как правило, либо один, либо пять, либо сразу несколько десятков – соединяется с главным стеблем коротким стебельком, называемым цветоножкой. У всех лилий шесть лепестков. Точнее говоря, три внешних лепестка называются чашелистиками, и они раскрываются наружу, открывая цветок. У многих других растений чашелистики похожи на лепестки гораздо меньше (например, можно вспомнить небольшие зеленые чашелистики в основании бутона розы). Некоторые лилии выпускают несколько бутонов, расположенных на одной ножке, – такое соцветие называется «кисть». У других сортов бутоны растут из одной точки на вершине ножки – это расположение называется соцветием зонтик. Хороший пример соцветия зонтик – растение под названием *Queen Anne's Lace* («Кружево королевы Анны»), оно же дикая морковь. Его крохотные белые цветочки соединены с концом стебля тонкими цветоножками. Иногда лепестки лилии, раскрываясь, изгибаются назад и почти соприкасаются между собой за цветком – такие лилии называются чалмовидными. Цветы других сортов принимают форму широкой воронки. Третьи, включая широко распространенную длинноцветковую, или пасхальную, лилию (*Easter Lily*), образуют узкую воронку или раструб и относятся к трубчатым лилиям.

⁸ Род многолетних травянистых растений семейства лилейных. – *Прим. пер.*

⁹ Основание луковицы. – *Прим. пер.*

Независимо от формы, внутри каждый цветок устроен одинаково. У всех видов лилий шесть тычинок, сходящихся в центре в шестиугольник. Каждая тычинка состоит из тычиночной нити, тонкой ножки и пыльника – желтой или оранжевой головки, где содержится пыльца. Из середины цветка поднимается одна неповторяющаяся структура, называемая гинецеем, или пестиком (женский репродуктивный орган). Пестик состоит из рыльца, столбика и завязи. Рыльце – верхняя часть пестика, его сладкий и липкий конец, который привлекает бабочек и мотыльков. Чтобы напиться нектара, они запускают внутрь свои длинные хоботки. Садясь на цветок, насекомые касаются пыльников и переносят пыльцу с одной лилии на другую. Попадая на рыльце, пыльца нужного размера и формы спускается по столбику в завязь, где ждут оплодотворения от трех до пяти сотен яйцеклеток. На рыльце может попасть пыльца нескольких растений одновременно, в этом случае семенная коробочка будет содержать семена от разных отцов. Однако, если по какой-то причине пыльца несовместима с яйцеклеткой, та остается неоплодотворенной. Оплодотворенные семена легко отличить, открыв семенную коробочку лилии и высыпав содержимое на светлую поверхность: в центре каждого будет темный эмбрион овальной формы.

Выводя гибрид, селекционер должен учитывать гораздо больше факторов, чем просто цвет или запах. У каждого родительского растения есть ряд характеристик, включающий форму луковицы, количество и размер листьев, цвет пыльцы, присутствие пятнышек в центре лепестков, размер и форму цветков, устойчивость к заморозкам, сырости и засухе, устойчивость к болезням и еще сотню других. Чтобы получить лучшие результаты, селекционеры часто применяют реципрокное скрещивание: если пыльца с одного цветка может оплодотворить второй цветок, то пыльца со второго должна оплодотворить первый. Иногда в результате реципрокного скрещивания получается более устойчивое и плодовитое потомство. Однако это не единственный инструмент, доступный селекционерам. С 1935 года известно, что колхицин – алкалоид, выделяемый безвременником осенним, – может удваивать количество хромосом в семенах и всходах лилий с двадцати четырех до сорока восьми. Суперлилии, называемые тетраплоидными, обычно крепче и выносливее. Несмотря на то что подобное вмешательство в генетику выглядит довольно грубым, непрофессиональные садоводы, перемалывающие луко-

вицы бессмертников в блендере, чтобы получить неочищенный раствор, который потом можно распылить в теплицах, создали множество сортов тетраплоидных лилий.

В результате было выведено около ста сортов лилий и бесчисленное количество гибридов. Все их можно более-менее сгруппировать в восемь категорий, из которых в цветочной торговле наиболее популярны трубчатые, азиатские и восточные. Лилии восточных сортов самые большие, яркие и ароматные, но они не очень широко распространены на рынке из-за смотрящих вниз цветов, которые часто отрываются от стебля во время сбора и упаковки. Кроме того, из них трудно составлять букеты: поникшие восточные лилии плохо сочетаются со смотрящими вверх цветами вроде роз, гвоздик и маргариток. Азиатские гибриды пользуются популярностью из-за своих ярких, насыщенных оттенков, но они меньше размером и лишены запаха. Существуют сорта азиатских лилий со смотрящими вверх цветами, включая сорт *Enchantment* («Очарование»), появившийся в продаже в 1940-х годах. Среди селекционеров считалось, что тот, кто сумеет перенести этот признак азиатских лилий (смотрящие вверх цветы) на большие и ароматные восточные сорта, совершит настоящую революцию на цветочном рынке. Уникальная комбинация чутья и особенностей характера позволила Вудрифу вывести нужный гибрид и первым добиться успеха.

Вудриф принадлежал к последнему поколению настоящих, старомодных селекционеров. Люди с удовольствием выращивали цветы на протяжении тысячелетий. В последние несколько сотен лет благодаря энтузиастам вроде Вудрифа появились сорта, которые вели себя так, как от них требовалось, что и позволило разводить цветы для продажи. В середине XVII века английский ботаник и врач по имени Неемия Грю первым предположил, что, хотя «внешние красоты растений» (то есть сами цветы) могут служить для удовольствия человека, «его внутренние [части], такие же сложные и разнообразные» должны существовать ради нужд самих цветов, а не ради их обожателей. Неемия верил, что лепестки цветов и их запах созданы Богом для человеческого удовольствия, но одним из первых догадался, что внутри цветка находится устройство, позволяющее растению размножаться.

Однако только в конце XVII века ботаники начали предполагать, что пыльца эквивалентна сперме. У этой идеи были противники, в том числе ученый начала XVIII века Иоганн Сигезбек, который утверждал, что идея существования у растений пола не только бессмысленна с научной точки зрения, но и отвратительна с точки зрения моральной. «Бог никогда не допустил бы в растительном царстве такого безнравственного факта, как то, что несколько мужей (тычинок) имеют одну жену (пестик). Не следует преподносить учащейся молодежи подобной нецеломудренной системы»¹⁰, – писал он. Однако остановить ботаников было уже невозможно, и в начале 1760-х годов немецкий ботаник Готлиб Кёльрёйтер, скрестив два сорта табака, вывел растение, которое можно было назвать первым гибридом.

Постепенно на протяжении XVIII и XIX столетий ботаники начали понимать, какую роль играют насекомые в опылении растений. Однако только работа Чарльза Дарвина с орхидеями показала, что растения способны адаптироваться к способу опыления. Это было важное открытие, оказавшее сильное влияние на все дальнейшие исследования генетики растений. Стоит взглянуть, например, на форму цветка львиного зева, чашечка которого распахивается, когда на нее опускается пчела, или на темные (пчелиные) линии на лепестках альстромерии, ведущие к центру, или на контрастный рисунок (так называемый «бычий глаз») в середине цветка гибискуса. Сегодня мы знаем, что эволюция некоторых цветов привела к тому, что после успешного опыления они меняют цвет, переходя в спектр, не видимый опылителям. Например, пчелы не способны различать красный, поэтому после опыления цветы вроде кни-

¹⁰ Цит. по: Stieda L. Siegesbeck, Johann Georg // Allgemeine Deutsche Biographie: [нем.]. 1892. Bd. 34. S. 199–200. – Прим. пер.

пхофии меняют цвет с желтого на красный, чтобы пчелы пролетали мимо. Этот эффект может пригодиться, а может и не пригодиться селекционеру, если ему важно, чтобы к сбору урожая все цветы оставались одного цвета.

Чего мы ждем, когда, по сути, берем букет половых органов и хотим, чтобы они перестали служить размножению? Нам необходимо, чтобы цветы, даже будучи срезанными, как можно дольше сохраняли свою свежесть, чтобы пыльца не осыпалась или ее вовсе не было и чтобы аромат был приятен нам, а не пчеле или колибри. Главная ирония селекции цветов на срезку заключается в том, что мы используем всю доступную нам силу науки и технологии, чтобы цветок перестал быть цветком. Но никто не может отменить тот факт, что у растения есть только одна цель: принести потомство и умереть. Лесли Вудриф понимал это и находил в этом своего рода волшебство.

Вудриф уже несколько десятков лет занимался разведением лилий, когда ему пришлось переехать в округ Гумбольдт, заключив деловое соглашение с цветоводом по имени Тед Кирш, основателем «Цветочных ферм Солнечной долины» (далее – «Солнечная долина»). Через несколько лет после смерти Кирша я встретила с его дочерью, Лорой Дан. Вместе с ее мужем Дэвидом и матерью Элоизой она постепенно рассказывала мне историю Кирша и Вудрифа (Кирш умер в 1996 году, незадолго до Вудрифа). Дэвид вспоминал, как со своим будущим тестем ездил в Брукингс, штат Орегон, в начале семидесятых годов: «Подозреваю, меня пригласили в качестве будущего семейного юриста» (тогда он только поступил на юридический. – *Прим. авт.*). «Тед хотел заключить сделку с Лесли, чтобы выкупить лилии и нанять Вудрифов работать на ферме».

Тед Кирш начал выращивать луковицы нарциссов на своем участке в Орегоне примерно в 1942 году. Он преподавал сельское хозяйство в старших классах школы, так что выращивание луковиц одновременно обеспечивало учеников практическими занятиями и приносило ему дополнительный доход. Довольно скоро у него появились ресурсы, чтобы расширить цветочный бизнес и сделать его полноценным семейным предприятием. В итоге он купил землю в Аркате, штат Калифорния, и основал «Солнечную долину». К тому времени, когда они с Дэвидом поехали на побережье, Тед уже занимался только фермерством.

Кирш давно был знаком с Лесли Вудрифом. Любой, кто был связан с торговлей лилиями, знал этого немного безумного цветовода, выводящего настолько дикие гибриды, что это казалось невозможным. «Дело в том, – продолжил Дэвид, – что у Вудрифа не было никакой деловой жилки. Он не заработал на своих лилиях ни цента. Жил на своей захудалой ферме вместе с женой Рут и дочерью Уинки. Кирш узнал, что тот не может выплатить задолженность Управлению по делам малого бизнеса и скоро потеряет ферму. Так что мы приехали к Вудрифу, и мне с первого взгляда стало ясно, что у нас ничего не выйдет. Его хозяйство было в полном запустении, везде сплошной хаос. По мне, выглядело, как настоящий свинарник. Но Тед сказал: “Лилии великолепны. Если кто-нибудь сможет обуздать эту изобретательность и позаботиться о практической стороне вопроса, то дело выгорит”».

Дэвид попытался отговорить Кирша от заключения сделки, но ему не удалось. Тот договорился с Вудрифом, и вскоре Лесли с семьей начал собираться в Аркату. Не очень понятно, как гибрид Вудрифа *Star Gazer* оказался в «Солнечной долине»; у всех, кого я расспрашивала, были свои версии, одна фантастичнее другой. Дэвид и Лора запомнили так: когда Вудрифы переехали в Аркату, они привезли с собой свои гибридные лилии. Кирш засадил ими целое поле; на большинстве луковиц не было никаких меток, так что у него не было ни малейшего представления, как они будут выглядеть, когда зацветут. Однажды он зашел на это поле, полное цветов с опущенными вниз бутонами, остановился и увидел восточную лилию, смотрящую в небо. Кирш назвал этот сорт *Star Gazer*. Это навсегда изменило торговлю лилиями.

Дети Лесли Вудрифа – сын Джордж и дочь Бетти – запомнили отца прямолинейным, трудолюбивым человеком, который всецело посвятил себя работе с лилиями. По их словам, он был гениальным селекционером, намного опередившим время. Им было не по себе, когда люди называли теплицы отца свинарником, и в этом их сложно винить. Глядя на фотографии Вудрифа, я вижу сильного, неунывающего человека, зарабатывающего на жизнь своими руками. В нем нет ничего безумного или неряшливого. Многие его товарищи по разведению лилий считали, что создавать настолько необычные гибриды Вудрифу помогало бесстрашие. Он скрещивал что угодно с чем угодно, даже то, что считали не способным к скрещиванию. Он не пользовался какой-то особой методикой, не был ни последователен, ни точен и не особо соблюдал санитарные нормы. Цветовод, работавший с ним в начале 1980-х годов, рассказывал: «В какой-то мере его лилии были настолько выносливыми и стойкими к болезням потому, что в теплицах Лесли им приходилось несладко. Нигде больше не видел такого бардака. Вирусы, паразиты, поддоны с рассадой, наваленные друг на друга или задвинутые под лавки, где им не доставалось ни воды, ни света, – действительно, в таких условиях выживали только сильнейшие».

Возможно, его лилии росли закаленными в испытаниях, но Лесли Вудриф искал красоты и поэзии. Джордж рассказывал, что отец всегда грезил об идеальном цветке. Он мечтал о черной и голубой лилии. Пытался найти лилию, выходящую за все рамки, разрушающую все границы, которые сдерживали род лилий. Один чиновник от сельского хозяйства как-то сказал Вудрифу, что не стоит даже пытаться выводить яркие лилии, потому что, глядя на эти цветы, люди обычно вспоминают о белой пасхальной лилии как о символе чистоты. Вудриф ответил, что его лилии не для чистюль.

Он звонил на радиопередачи и влезал в дискуссии о войне во Вьетнаме или «Уотергейте»¹¹, чтобы поговорить о разведении лилий. Он даже отправил фотографию своего нового сорта вместе с подробным описанием родословной луковицы Джимми Картеру¹² в 1979 году (на сорок четвертый день после захвата американских заложников в Иране), будто тому было дело до последних новостей селекции. «Это самый лучший комнатный сорт, выбранный из почти миллиона сеянцев, – писал Вудриф президенту. – Мы скрестили лилию красноватую – небольшую японскую воронковидную лилию розового цвета, которая цветет в начале мая, – розовую лилию рубрум, цветущую в сентябре, и большую чашевидную золотистую лилию, цветущую в августе. Полученный цветок имеет промежуточную форму, цвет как у рубрума, но ярче, размер, как у золотистой лилии, а также короткий стебель и раннее время цветения, как у лилии красноватой». Вудриф просил у президента помощи с финансированием и заканчивал письмо так: «Давайте сделаем мир прекрасней. Мы очень стараемся». Быть может, он даже получил шаблонную отписку из Белого дома, но сам президент ему не ответил.

Хотя друзья Вудрифа рассказывали, что он не вел подробных записей о скрещиваниях и не обращал внимания на родословную своих цветов, по его письму к Картеру понятно, что Вудриф отлично знал, что делает. Вполне возможно, что просто никто не мог разобраться в его системе записей: Джордж вспоминал, как отец маркировал каждый гибрид, но говорил, что вряд ли кто-нибудь сумеет расшифровать его код. Большинство знавших Вудрифа тем не менее соглашались, что ему было просто неинтересно выращивать новые гибриды в количествах, необходимых для продажи. Все селекционеры как один говорили мне, что ему просто нравился сам процесс. Вудрифа захватывал физический перенос пыльцы с растения на растение. Если бы он мог, то занимался бы только этим.

¹¹ Уотергейтский скандал – политический скандал в США 1972–1974 годов, закончившийся отставкой президента Ричарда Никсона. – *Прим. пер.*

¹² Президент США в 1977–1981 годах. – *Прим. пер.*

Берт Уокер, преподаватель курсов сельского хозяйства в Редвуджском колледже, вспоминал, как показывал студентам теплицы Вудрифа. «Тот [Вудриф] брал небольшие стеклянные бутылочки, наливал в них черную краску и вращал до тех пор, пока бутылочки не становились непрозрачными. Затем он закрывал их крышками, пробивал в крышках дыру ножом для колки льда и засовывал туда кисточку из верблюжьего ворса. Студентам он говорил: “В этих бутылках нет ничего, кроме высохшей краски. Но если ты подсел на эту дрянь, то оторваться уже невозможно”».

Полученные бутылки Вудриф использовал для сбора пыльцы, но не саму бутылку, а ее внешние стенки. Для удобства он работал только с плоскими: их поверхность, изнутри покрытая черной краской, снаружи мало отличалась от зеркала. Постукивая по цветку лилии, Вудриф стряхивал пыльцу на плоский бок, вынимал из бутылки верблюжью кисточку и с ее помощью переносил пыльцу на другой цветок.

«Эти бутылки стояли у него повсюду, – рассказывал Берт. – Они были его страстью. Вудриф прямо говорил, что больше всего его привлекает сам процесс опыления. Дело в том, что даже если он помнил, как получить какой-то конкретный гибрид, он никогда не записывал детали и не повторял скрупулезно процедуру, чтобы быть уверенным в результате». Когда Вудриф говорил, что знает родословную какой-то из своих лилий, Берт не всегда был в этом убежден. Верблюжьи кисточки всегда были не очень чистыми, и непонятно, сколько и каких сортов там осталось пыльцы. Кроме того, Вудриф любил вносить элемент хаоса в сам процесс: он мог наполнить банку пыльцой разных сортов и, встряхнув, развеять над участком цветущих лилий. Один садовод говорил мне: «У Лесли была своя философия. Он рассуждал примерно так: “Это как взять колоду карт и подбросить в воздух. Рано или поздно выкинешь роял-флеш¹³”. Так что он всего лишь смешивал генетический материал. В этом и была его уникальность. Он не боялся делать то, что все остальные считали невозможным».

Берт вспоминал, что Вудриф постоянно таскал фотографии своих лилий в карманах рубашки. «Куда бы он ни шел – на собрание ассоциации питомников, на лекцию о растениях, даже если ты просто встречал его в центре города, – он обязательно доставал и показывал свои фотографии. “Вот эта вот любопытная, – говорил он. – Если бы я мог заставить цветы этой смотреть вверх, и чтобы они пахли, как эта, и были примерно вот этого цвета, тогда бы я точно заработал миллион долларов!” Как-то так он и говорил. Мы все отвечали: “Ага, здорово, Лес”, – но думали про себя, что он попросту фантазер. Таким и был. Да, Лес и был фантазером. Так он и не увидел этого миллиона».

Селекционер может заработать на своих гибридах только одним способом – запатентовав их. Однако даже эта возможность появилась не так давно. Садовод Лютер Бербанк, который вывел сорт маргариток *Shasta* и более восьмисот сортов других растений, в начале XX века писал: «Человек может запатентовать мышеловку или получить авторское право на песню, но если он подарит миру новый фрукт, то должен считать удачей, если за его труды этот фрукт хотя бы назовут в честь создателя». Закон о патентах на сорта растений появился в 1930 году, слишком поздно для Бербанка (который умер в 1926 году), но зато решил проблемы остальных селекционеров, позволив им получать за свои открытия финансовое вознаграждение. Томас Эдисон, друг Бербанка, был одним из первых сторонников закона. «Закон защищает производителя, и фермер должен иметь такие же права, – писал он. – Как правило, садовод – бедный человек, не имеющий возможности получить денежное вознаграждение. Теперь он сможет рассчитывать на свою долю».

В первоначальном варианте закона речь шла только о растениях, не размножающихся половым путем, то есть тех, что размножаются прививкой, черенкованием и другими подоб-

¹³ Выигрышная комбинация в покере. – Прим. пер.

ными способами. Семена и клубни исключили специально: в большинстве случаев они поступали в продажу как продукты питания, что было сложно контролировать, особенно во времена, когда с едой было тяжело. Вдобавок исключение семян из патента обеспечивало защитой только один конкретный сорт. Многие гибриды не размножаются семенами, и, кроме того, подобный патент (на семена) мог привести к непреднамеренному включению в него сортов потомства. Сорта, подлежащие патентованию, должны были быть или выведены селекцией, или открыты впервые. Закон запрещал патентовать дикие растения, на которые можно было случайным образом наткнуться в поле. Растение однозначно должно было быть ранее неизвестным или усовершенствованным и до момента подачи на патент находиться в продаже не более года. Патентование производилось на срок в 17 лет. Ожидалось, что за это время селекционеры получат отдачу от своих вложений.

Первый патент был получен Генри Ф. Бузенбергом на вечноцветущую разновидность плетистой розы. В заявке господина Бузенберга ничто не выдавало, что он взволнован этим историческим моментом. Свое изобретение он описывает без малейшего намека на страсть или поэзию. Сухо перечислены преимущества обладания плетистой розой: вечноцветущая разновидность цветет постоянно, тогда как обычная облетит в одночасье. В заявке Бузенберга говорилось: «В физических характеристиках цветка, листе или иных особенностях розы не содержится никакой уникальности, кроме вышеприведенной». Он даже не счел за труд дать цветку какое-то особое название, записав его под именем «плетистая, или вьющаяся, роза». Второй патент тоже был выдан на розу, за ними последовали ежевика, гвоздика и еще одна роза. Из первых трехсот зарегистрированных патентов половина пришлась на розы. Несмотря на Великую депрессию, на цветы было зарегистрировано больше патентов, чем на продукты питания. Один репортер сокрушался, что в первые пять лет после принятия закона «запатентованные овощи выделялись разве что своим отсутствием, зато был запатентован целый гриб».

Патентование растений стало крупным бизнесом: уже в самом начале в нем приняла участие даже компания «General Electric»¹⁴, зарегистрировав патент на материал растительного происхождения № 165, «Королевскую лилию», с которой благодаря 30-секундному рентгеновскому облучению больше не осыпалась пыльца. Детки-луковицы (небольшие дочерние луковички, способные развиваться в полноценные луковицы), полученные от облученной лилии, сохраняли свои характеристики, так что растение соответствовало требованиям закона, по которым распространение родительского растения должно было осуществляться отличным от распространения семян способом. Никаким изобретением, кроме радиоактивного облучения, появление данного растения не сопровождалось: оно не было выведено ни в результате гибридизации, ни в результате скрещивания методом проб и ошибок с родительским сортом. Тем не менее сорт от «General Electric» можно считать одним из первых примеров применения современных технологий в цветочной индустрии.

В 1970 году в закон была внесена поправка, позволяющая патентовать новые сорта, размножающиеся семенами. К этому времени уже было выдано 3320 патентов на растительные культуры. Поправка в законе расчистила путь патентам на салат, бобы, пшеницу, хлопок и ряд других растений. В 1995 году срок действия патента был увеличен, позволив селекционерам получать авторские отчисления добрых два десятка лет. Потом растение выскальзывало из их хватки и свободно отправлялось в дикие дебри рынка.

Во многих заявках на получение патента указывают происхождение нового гибрида, чтобы подтвердить его новизну и уникальность. Но даже сегодня никто не знает точную родословную вудрифовского *Star Gazer*. Некоторые селекционеры полагают, что этот сорт был

¹⁴ Американская многоотраслевая корпорация, основана в 1878 году Томасом Эдисоном. Производитель многих видов продукции гражданского и военного назначения. – Прим. пер.

выведен на основе лилии благородной *Lilium nobilissimum* – дикорастущего цветка восточного подвиды с крутых склонов одного из островов южных архипелагов Японии. Ее цветы действительно смотрят вверх, однако растение чувствительно к заболеваниям, плохо переносит холод, нуждается в каменистой почве и цветет непредсказуемо. Несмотря на это, Вудриф, который, судя по всему, приобрел *L. nobilissimum* в начале 1950-х на Национальной выставке лилий, сумел разглядеть ее потенциал. Возможно, *Star Gazer* также состоит в родстве с лилией золотистой *L. auratum*, у которой белые цветы с карминно-коричневыми пятнышками и желтая полоска посередине каждого лепестка. Почти наверняка среди предков *Star Gazer* должна быть и лилия прекрасная *L. speciosum*, давшая сильный аромат и вариацию оттенков: от розового до бордово-красного.

Ясно одно: когда Тед Кирш, заглянув на свое поле в «Солнечной долине», увидел покрытые крапинками загнутые назад лепестки *Star Gazer* глубокого багряного цвета с белой каймой, с карминными пятнышками и желтыми полосками, сходящимися звездой в центре, лаймово-зеленые тычинки, заканчивающиеся бронзовыми пыльниками, он сразу понял, что перед ним нечто необыкновенное. В середине 1970-х годов Кирш неоднократно отправлял *Star Gazer* на плантации Орегона и Голландии, надеясь, что местные садоводы начнут выращивать эту лилию в более крупных масштабах, а изменение условий позволит оценить ее пригодность в качестве коммерческой разновидности. В сентябре 1976 года Кирш подал заявку на получение патента. Вот что в ней было написано: «Мой новый сорт лилий берет начало от ростка неизвестного происхождения, обнаруженного мной в 1971 году на принадлежащем мне экспериментальном участке в Аркане, штат Калифорния. Появление данного ростка является результатом моих попыток выведения новых и улучшенных сортов лилий». Лесли Вудриф в этой заявке не упоминался.

Нельзя сказать, что Кирш совсем не отдал должное работе Вудрифа. Оба они сходились на том, что *Star Gazer* был выведен Лесли и отобран Тедом. «Вудриф был не в состоянии выбирать, – рассказывал Дэвид. – Он любил заниматься скрещиванием, но рано или поздно все равно приходится остановиться на чем-то одном и начать это разводить». Бюллетени Североамериканского общества любителей лилий и пособия по разведению лилий всегда упоминают Лесли Вудрифа как оригинатора, но Кирш купил его лилии и вместе с тем – право на отбор и патенты. Кирш запатентовал еще двадцать шесть сортов лилий, двадцать пять из которых также описаны как «росток неизвестного происхождения».

В этом списке несколько названий ассоциируются с Вудрифом; он получил широкое признание, например, за сорт лилий *Le Rêve* – сказочно-розовую позднецветущую лилию восточной разновидности, патент на которую зарегистрирован на имя Кирша под № 5189. В контракте с Вудрифом оговаривалось право Кирша давать название новым сортам (патент № 4881 назван в честь его дочери Лоры). С другой стороны, сам Вудриф зарегистрировал всего два патента в своей жизни, и оба относились к другому предмету его обожания – бегониям. В газетном интервью Вудриф заявил, что для того, чтобы охранять патент, нужно слишком много сил, а у него на это нет времени. Это решение означало, что Кирш, а не Вудриф занялся оформлением патента с последующим получением всех отчислений.

Сложно обвинить Кирша в том, что он сделал. По общему мнению, он был честным и прямолинейным бизнесменом, может быть, жестким, но не чуждым жалости. Известно, что Вудрифы сами обратились к нему за помощью, и он действительно хотел им помочь. Рут Вудриф первая заговорила с Киршем о семейном деле, когда они столкнулись на заправочной станции в Орегоне. Многие друзья Вудрифа припоминали, что тот «всегда искал себе спонсора». В набранном на печатной машинке каталоге лилий Вудрифа уже после окончания истории с «Солнечной долиной» среди выставленных на продажу растений упоминается и сам питомник, с пометкой, что «бизнес перерос масштабы одной семьи, поэтому разыскиваются партнеры, а также инвестиционный капитал с целью образования корпорации». Родственники

Вудрифа до сих пор считают, что тот оказался в подобной ситуации только из-за бедности и невыгодных сделок, которые был вынужден заключать одну за другой. Тем не менее Кирш был уверен, что приобрел лилии честно, и в контракте было прописано и право на названия, и право на получение патентов. Более того, само предложение работы Вудрифам было верхом щедрости.

«Было ясно, что нельзя просто так взять и отобрать у Вудрифов лилии, – рассказывал Дэвид. – Что бы они тогда делали? Они были одержимы этими цветами. В этом была вся их жизнь. Тед искренне верил, что сможет отмыть эту семейку, поселить их в нормальном доме, платить им заработную плату и с ними будет все хорошо. Но я нисколько не удивился, когда Тед начал жаловаться, что они уносят с собой лилии и прячут их под кроватью».

Отношения между Киршем и Вудрифом быстро портились. По воспоминаниям семьи Кирша, им казалось, что Вудрифы просто не способны работать по найму. «Их было невозможно убедить, что на работу надо приходить к восьми утра и уходить в пять вечера, с часовым перерывом на обед и выходными, – рассказывал Дэвид. – Никогда в жизни они не подчинялись такому распорядку». С другой стороны, дети Вудрифа, сын Джордж и дочь Бетти, вспоминали, что их отец согласился на переезд в «Солнечную долину», считая, что будет вести научную работу. Однако вместо этого его пытались использовать как обычного разнорабочего, заставляя строить или чинить теплицы. Вудриф с детства страдал больной спиной, и эта работа была за пределами его физических возможностей, не говоря уже о ее унижительности для него как селекционера.

Некий селекционер, знавший обоих, рассказал, что Кирш ко всему прочему распахал участок, отданный Лесли под экспериментальные и необычные гибриды, чем привел в бешенство всю его семью. Если взглянуть на каталог «Солнечной долины» за 1976 год, то и в самом деле можно допустить, что это правда. Например, в каталоге написано следующее: «Компания избавилась от сотен сортов лилий, не приносящих выгоды. В настоящее время у нас имеется около двух тысяч клонов разных растений, приобретенных более чем у пятнадцати селекционеров. Мы больше думаем о высоком качестве продукта, чем о том, кто и как его получил... На данный момент у нас доступен выбор из двадцати пяти тысяч наших собственных саженцев. Нам кажется, что лилии – цветы будущего».

Возможно, у Кирша действительно были причины избавиться от части вудрифовских лилий: как бизнесмен он не был заинтересован в том, чтобы его драгоценные поля и тепличные площади засеивались тысячами бесперспективных гибридов непонятного происхождения, – но также легко представить, как себя чувствовал Вудриф, когда работа всей его жизни оказалась разрушена. Если бы я была Лесли Вудрифом, то тоже начала бы прятать луковицы под кроватью.

Было понятно, что рано или поздно дело о *Star Gazer* и остальных лилиях, которые Кирш выкупил у Вудрифа, окажется в суде. Похоже, судебные дебаты дорого обошлись для обеих сторон: Вудриф считал, что его обманули, а Кирш – что на него подали в суд в благодарность за его щедрость и доброту. Должно быть, оба оказались удивлены тому, как быстро закончились их деловые отношения.

Первоначальное соглашение было датировано 5 марта 1970 года. Кирш приобретал все лилии Вудрифа (включая право давать названия сортам и получать на них патенты), нанимал его семью работать в «Солнечной долине», а также получал их землю в Брукингсе с целью ее продажи для возмещения своих расходов. За луковицы он заплатил тысячу долларов, еще двенадцать тысяч потратил, чтобы покрыть долги, и соглашался выплачивать два доллара в час самому Вудрифу, тогда как его жена, сын Алан и дочь Уинки должны были получать 1,65 доллара в час. Вудрифы получали жилье в «Солнечной долине», и каждый месяц из их зарплат вычиталось по двадцать пять долларов с каждого за аренду. Кроме того, Вудриф получал 5 %

от продажи своих лилий. Контракт был заключен на срок до семи лет с возможностью досрочного разрыва. Вудриф соглашался в течение трех лет после окончания работы не выступать конкурентом «Солнечной долины».

Ферма в Брукинге просуществовала до октября 1970-го, после чего Вудрифы переехали в Аркату. Лесли назвал ее Волшебными садами лилий в честь некой магии, которая совершается во время рассеивания пыльцы над цветком. Спустя всего девять месяцев Кирш сделал формальное заявление о расторжении контракта. По его словам, Вудрифы отказывались выполнять распоряжения начальства, преждевременно срезали лилии и – самый таинственный пункт – не доложили о «потере одной из самых ценных луковиц, участвующих в проекте», которая отсутствовала несколько месяцев, пока Вудрифа «не вынудили дать ответ о ее местонахождении». Никто точно не помнил, какая лилия потерялась, но было ясно, что с самого начала Кирш был больше всего заинтересован в *Star Gazer* и именно эта потеря заставила его всполошиться.

Вудриф предъявил иск в августе, заявив о нарушении договора. Он утверждал, что ни он, ни его семья не отказывались выполнять работу, на которую их нанимали, они исполняли все обязанности, которые были на них возложены, а Кирш разорвал контракт без причины, чтобы захватить лилии. Он требовал триста одну тысячу долларов¹⁵ за цветы и активы, которые он продал Киршу, плюс потенциальную будущую прибыль от их продажи. Сумма была значительно больше, чем деньги, которые он получил от Кирша за год до этого. Кирш подал встречный иск, заявив, что от этой сделки он понес убытки на шесть тысяч долларов, а также не получил от Вудрифа «луковиц некоторых лилий», о которых они договаривались. Дело тянулось два года, прежде чем состоялось судебное слушание.

Стенограмма судебного заседания не сохранилась, но Дэвид хорошо запомнил дни, проведенные в суде. «Тед не особо нуждался в защите, – вспоминал он. – Достаточно было выпустить Лесли на трибуну, чтобы он заговорил. И судья, и все остальные сразу поняли, что с этим человеком невозможно иметь дело. Ситуация была весьма неприятной, никто из нас не хотел этого процесса, но вот так вышло. В общем, Лесли начал давать показания, и стало ясно, что этот человек никаким образом не мог соблюдать условия контракта». Семья Вудрифа тоже помнит некоторые подробности этого дела. Джордж, старший сын, предостерегавший Вудрифа от работы с «Солнечной долиной», вспоминает, что отец «физически не мог справиться со всей работой, которую на него ввалили. Было глупо заставлять его заниматься тем, что мог бы сделать обычный плотник. Он принес бы гораздо больше пользы, разводя лилии. Однако все пошло шиворот-навыворот с самого начала, потому что они [«Солнечная долина»] и не думали выполнять свои обещания». Джордж подозревал, что родители скрывали от него детали сделки: «Они не хотели со мной делиться. Старики знали, что я с самого начала был против этого переезда. Но я видел, в каком ужасном состоянии был отец. Так больше не могло продолжаться».

Весной 1974 года суд обязал выплатить Вудрифу пять тысяч долларов¹⁶ в возмещение «личного имущества, переданного “Солнечной долине”», а также несколько сотен долларов судебных издержек, и наотрез отказался принимать во внимание, что потенциальная прибыль от лилий может быть гораздо больше, чем эти незначительные суммы. «Возможно, эти цветы могут принести доход, – написал в заключении судья, – но в настоящее время его оценка является сугубо умозрительной».

К моменту окончания слушаний *Star Gazer* был готов к продажам. Один из калифорнийских садоводов сказал мне: «Вот за что я не люблю голландцев, так это за то, что они считают:

¹⁵ 1 906 000 долларов в ценах 2020 года. – Прим. пер.

¹⁶ 31 200 долларов в ценах 2020 года. – Прим. пер.

если цветок был выведен не в Голландии, то он недорого стоит. Они приезжают сюда за посевным материалом, еще какое-то время развлекаются с ним и выводят собственные гибриды. Конечно, обычно гибриды требуют доработки. Всегда найдется, что улучшить. Однако *Star Gazer* оказался первой лилией, которую немедленно признали годной. Она была коммерчески выгодной, идеальной с самого начала». Все, что оставалось сделать голландцам, – это клонировать *Star Gazer*, используя так называемое клональное микроразмножение – метод быстрого выращивания безвирусных культур в лабораторных условиях.

«Солнечная долина» выставила *Star Gazer* на продажу в 1976 году, сразу же после подачи на патент. В каталогах компании сорт описывается следующим образом: «Эта красная восточная лилия с цветами, глядящими прямо вверх, заслуживает отдельного внимания. Ее цветы немного темнее и больше размером, чем у сорта *Journey's End*, и выглядят еще более энергично. В Голландии *Star Gazer* произвел фурор, равного которому не было со времен лилии сорта *Enchantment*. Эта лилия должна быть в арсенале каждого садовода. Нет никаких сомнений, что она предназначена стать родоначальником огромного количества новых восточных сортов и клонов».

Тем не менее у американских флористов этот сорт приживался неохотно: они считали, что у лилий чрезмерно сильный запах, цветы чересчур большие, а окраска слишком бросается в глаза. В бюллетене Североамериканского общества любителей лилий за 1980 год говорится следующее: «Самой примечательной чертой сорта *Star Gazer* является возможность их упаковки. Стебли этих лилий абсолютно прямые, поэтому по сравнению с остальными сортами восточных лилий в упаковочную коробку помещается в два раза больше цветов». Получалось, что *Star Gazer* скорее давал преимущества цветоводам и продавцам, нежели соответствовал желаниям покупателей. Это была лилия, которая не мнется и не осыпается при транспортировке. Но симпатии публики еще предстояло завоевать.

В Голландии *Star Gazer* получил еще одно преимущество: Кирш остался без голландского патента. В 1976 году он подписал с голландскими партнерами контракт о продаже трех тысяч луковиц по цене пять долларов за штуку в обмен на отказ от своих прав. Это означало, что, несмотря на существующий американский патент, голландские производители могли свободно выращивать и распространять *Star Gazer*, не выплачивая авторских отчислений. Крупный, бросающийся в глаза цветок понравился покупателям, и вскоре в Голландии *Star Gazer* стал самым продаваемым из восточных сортов. В конце концов и американская аудитория стала лучше к нему относиться, правда, скорее взятая измором, чем завоеванная (множество людей, которые жалуются на сильный запах лилий, в большинстве случаев жалуются на *Star Gazer*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.